

Article

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Татьяна Литвинова*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-2-59-3-12



Введение. Статья посвящена территориальным межэтническим спорам на Северном Кавказе Российской Федерации, как «замороженным», так и продолжающимся, и их влиянию на региональные политические процессы.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступает концепция этнических границ и социальной дистанции Ф. Барта, работы по этнополитической конфликтологии Д. Горовица, М. Тофта, Д. Лейка и Д. Ротшильда, а также исследования российских этноконфликтологов А.В. Авксентьева, Д.А. Дмитриева и других. Для Северного Кавказа вопрос владения землей, исторической территорией народа всегда был болезненным, выступал главной причиной и фактором межэтнической дистанции. Данное исследование основано на: 1) анализе официальных документов федеральных и региональных органов власти; 2) изучении деклараций этнических движений и интервью политических деятелей; 3) мониторинге СМИ; 4) методе классификации и ситуационном анализе.

Результаты исследования. Рассмотренные территориальные споры на Северном Кавказе могут быть классифицированы с точки зрения факторов, лежащих в основе конфликтов: территориальные споры как последствия депортации (Северная Осетия и Ингушетия, Дагестан); проблема разделенных народов (лезгины); споры из-за неурегулированной собственности на землю (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Дагестан); споры по административным границам (Чечня и Ингушетия, Чечня и Дагестан).

Обсуждение и заключение. Учитывая факт привязанности северокавказских народов к «исторической территории», разрешение территориальных споров должно проводиться с бережным отношением к исторической памяти, с привлечением согласительных процедур, имеющих прочные традиционные основы в северокавказских обществах. Территориальная неурегулированность и обиды ведут к этнической мобилизации, росту протестных настроений и региональной политической нестабильности, поэтому земельные вопросы должны решаться открыто с привлечением широких слоев общественности. Это поможет избежать столкновений на этнотерриториальной основе и повысит доверие население власти.

* Литвинова Татьяна Николаевна, доктор политических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: tantin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5382-3751

Введение

Российская Федерация – сложносоставное государство, сочетающее региональное административно-территориальное деление с этническими границами проживания некоторых народов. Потенциал территориальных споров особенно высок на Северном Кавказе Российской Федерации, что отчасти обусловлено отсутствием четких этнических границ, а также последствиями советской национальной политики: произвольными территориальными изменениями, насильственной депортацией целых народов в период Великой Отечественной войны и ликвидацией их автономий. В результате в регионе наблюдается несколько очагов напряженности, связанных с территориальными претензиями этнических групп друг другу.

Статья посвящена территориальным межэтническим спорам на Северном Кавказе Российской Федерации, «замороженным» и продолжающимся в настоящее время, и их влиянию на региональные политические процессы.

Методология

Исследования межэтнических конфликтов в сложносоставных обществах основаны на теории этнических границ и изучении социальной и культурной дистанции. Концепция «этнической границы» появилась в конце 1960-х годов в работе известного норвежского ученого Ф. Барта [13]. «Этническая принадлежность» рассматривалась им как форма социальной организации культурных различий. По мнению Ф. Барта, «этническая граница» связана со снижением межгрупповой толерантности и накладывает ограничения на межэтническое взаимодействие. В свою очередь Д. Горовиц считает, что «территориальные границы определяют этнические границы, которые изменчивы, но не меняются просто ради экономического интереса или удобства» [15]. Согласно известному представителю примордиализма А. Смиуту, «привязанность к определенной территории» является одним из важнейших базовых признаков этнической идентичности. Он отмечал усиление значения чувства этнической принадлежности в современном мире, что обуславливает нарастание межэтнической напряженности [17. С. 50, 55]. М. Тофт также отмечал, что территориальные вопросы делают этнические споры еще более значительными, особенно если спор-

ная территория считается «родиной» для определенной этнической группы [18].

В свою очередь российские конфликтологи В.А. Авксентьев, Б.В. Аксенов, Г.Д. Гриценко отмечали, что зачастую главным фактором этнической напряженности и перерастания ее в конфликт становится «целенаправленная деятельность этнических антрепренеров» по политизации этничности [1. С. 75]. Об участии активистов и политических антрепренеров, которые умело используют историческую память народа и «мифы» для мобилизации этнических групп на защиту своих прав, также писали Д. Лейк и Д. Родшильд. Они отметили, что этнические конфликты возникают не столько на фоне межгрупповых различий, сколько по причине «коллективного страха за будущее» и физическую безопасность. По мнению Д. Лейка и Д. Ротшильда, этот страх усиливается и конфликты становятся более вероятными в условиях нехватки информации, кризиса доверия и в связи с ослаблением государства [16. С. 5].

Для Северного Кавказа вопрос владения землей, исторической территорией народа всегда был болезненным, выступал главной причиной и фактором межэтнической дистанции. А.В. Дмитриев, изучая конфликтотенный потенциал Юга России, отмечал, что Северный Кавказ является более конфликтотенным, чем другие регионы страны [5. С. 134]. Хотя некоторые территориальные противоречия на Северном Кавказе кажутся «замороженными», как например, осетино-ингушский конфликт, в регионе сохраняется мобилизационный потенциал, связанный с несовпадением этнических границ с административно-территориальным. В частности, М. Гребенников, исследуя мобилизацию движения черкесов, отметил, что в то время, как федеральный центр накладывает «табу» на территориальные изменения на Северном Кавказе, наблюдаются процессы роста этнического самосознания. Политически значимыми становятся требования установления большего соответствия между этническими и административными границами в России [14]. М. Ачарджи, анализируя факторы этнических конфликтов на Северном Кавказе, помимо исторических, экономических, территориальных и религиозных противоречий, называет политический фактор (конкуренцию элит), интернациональный фактор (международное влияние) и миграцию населения [12].

Среди авторов, исследовавших причины и последствия территориальных межэт-

нических конфликтов на Северном Кавказе, А.З. Адиев [2], М.А. Аствацатурова [3], О.В. Цветкова [9, 10] и многие другие.

Данная работа основана на: 1) анализе официальных документов федеральных и региональных органов власти; 2) изучении деклараций этических движений и интервью политическим деятелей; 3) мониторинге СМИ; 4) методе классификации и ситуационном анализе.

Исследование

Депортация как источник конфликтов. Большинство существующих конфликтов и споров на Северном Кавказе являются следствием советской национальной политики. Наиболее болезненным событием, до сих пор имеющим отголоски в региональных политических процессах, стала депортация целых народов (карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей) и ликвидация их автономий в 1944 году.

Противоречия между ингушами и осетинами возникли из-за требований ингушей полной территориальной реабилитации и возвращения им Пригородного района Северной Осетии. Результатом этого спора стал осетино-ингушский конфликт, горячая фаза которого продолжалась с 31 октября по 4 ноября 1992 года. В результате конфликта ингушское население Владикавказа и Пригородного района практически полностью бежало из Северной Осетии в Ингушетию.

Стороны неоднократно подписывали различные соглашения по преодолению последствий конфликта. Последним стало Соглашение между Республикой Северная Осетия – Алания и Республикой Ингушетия «О развитии сотрудничества и добрососедства» от 11 октября 2002 г., подписанное с осетинской стороны Александром Дзасоховым, с ингушской – Муратом Зязиковым [11]. Стороны договорились проводить работу «по формированию благоприятной морально-психологической обстановки на территориях республик», пресекать «попытки раз-

жигания межнациональной розни»¹. Однако подписанные соглашения не устранили всех существующих проблем. На 2010 год на территории Республики Ингушетия оставались 35 мест компактного проживания вынужденных переселенцев из Республики Северная Осетия – Алания, по которым велись регулярные консультации с координатором Управления Федеральной миграционной службы Российской Федерации по Северо-Кавказскому федеральному округу². Однако и в 2015 году Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров в своем интервью констатировал, что проблема вынужденных переселенцев в республике не решена окончательно³. Ингуши не могут переехать в частично закрытые для них населенные пункты Октябрьское, Ир, Владикавказ и другие, и до сих пор считают, что здесь есть их исторические земли.

Еще одна проблема, тесно связанная с вынужденными переселениями в период Великой Отечественной войны – кумыкский вопрос. 12 апреля 1944 года жители трех кумыкских сел Альбурикент, Тарки и Кяхулай были переселены в Хасавюртовский район республики, откуда ранее депортировали чеченцев. После возвращения в свои села в 1957 году кумыки не получили большую часть земли, которую обрабатывали до переселения. В начале 1990-х годов эта проблема вызвала массовые протесты с требованием признать незаконным акт выселения кумыков. 12 апреля 2017 года в районе Карамана (пригород Махачкалы) прошла ежегодная памятная акция, посвященная годовщине насильственного переселения [2. С. 38].

Караман – это участок в прибрежной зоне, находящийся в федеральной собственности. Строить там дома запрещено [4. С. 139–140]. Однако район активно застраивался. 1 августа 2018 года Верховный суд Дагестана признал недействительными разрешительные документы на строительство домов и коттеджей и обязал субарендаторов освободить земельные участки в микрорайоне «Караман-7» Махачкалы⁴. Но власти Дагестана не торопились исполнять судебные

¹ Соглашение между Республикой Северная Осетия – Алания и Республикой Ингушетия «О развитии сотрудничества и добрососедства» от 11 октября 2002 г. // Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. URL: <http://xn----ptblgjed.xn--p1ai/node/2608>

² Глава республики встретился с координатором УФМС РФ по СКФО // Республика Ингушетия. 08.07.2010. URL: <https://ingushetia.ru/news/013108/>

³ Глава Ингушетии дал интервью корреспонденту радиостанции "Говорит Москва" Владимиру Карпову // Республика Ингушетия. 08.09.2015. URL: https://ingushetia.ru/news/glava_ingushetii_dal_intervyu_korrespondentu_radiostantsii_govorit_moskva_vladimiru_karpovu/

⁴ Суд обязал освободить от застройки землю у моря в Махачкале // Кавказский Узел. 02.08.2018. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/323758/>

решения, так как не знали, куда переселять живущих там людей.

Кумыкские активисты также требуют вернуть исторические земли, принадлежавшие им до депортации, которые, по их мнению, незаконно были оформлены в частную собственность (участки в районе ДОСААФ на окраине Махачкалы)⁵.

В свою очередь чеченцы Дагестана требуют восстановления Ауховского района, существовавшего до депортации. На X съезде чеченцев Дагестана депутат Государственной Думы Бувайсар Сайтиев заявил, что отсутствие «мононационального района» у дагестанских чеченцев является «заметной проблемой»⁶. 23 февраля 2020 года, в 76-ю годовщину депортации чеченцев, «не менее десяти тысяч человек собрались на траурном митинге в Новолакском районе Дагестана, чтобы почтить память жертв сталинских репрессий»⁷, через год на очередном траурном митинге его участники заявили о затягивании вопроса о восстановлении Ауховского района.

Таким образом, проблемы депортированных и переселённых в советское время народов до сих пор остаются серьезным источником напряженности на Северном Кавказе.

Проблема разделенных народов. После распада СССР советские административные границы стали государственными границами. Лезгины, проживающие в России (Республика Дагестан) и Азербайджане, никогда не имели своей государственности и административного единства. Общая численность лезгин составляет около 543 200 человек, из них 385 200 человек проживают в Дагестане (по данным переписи населения Российской Федерации 2010 г.), а 158 000 – в Азербайджане [8].

В 2011 году лезгинские организации начали кампанию против ратификации Договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о границе, подписанного 3 сентября 2010 года. Этим соглашением Азербайджану был передан во-

дозабор реки Самур вместе с двумя селами Магарамкентского района Дагестана Храх-Уба и Урьян-Уба и проживающие там 600 жителей – лезгины. 17 июня 2011 г. Государственная Дума РФ ратифицировала этот Договор [7. С. 117].

Лезгинское национальное движение «Садвал» объявило себя оппозиционным республиканской власти Дагестана, и в 2011-2014 годах проводило немногочисленные, но заметные акции протеста [7. С. 118-119]. Среди их требований были: претензии к властям Дагестана о включении большего количества этнических лезгин в органы власти; проблема сохранения лезгинского языка в Азербайджане и претензии к нему же о сокрытии истинного числа лезгин; защита прав тех людей, которые жили в двух селах, переданных Азербайджану в 2011 году; экологическая проблема сохранения реликтового лианового леса в районе реки Самур⁸.

После убийств двух лидеров движения «Садвал», Руслана Магомедрагимова в 2015 году и Насима Гаджиева в 2016 году, активность движения снизилась, перестал работать сайт организации. Роль основного выразителя интересов народа взяла на себя Федеральная лезгинская национально-культурная автономия (ФЛНКА), которая довольно сдержана в политических вопросах и выступает лишь за поддержку национального языка и культуры. Это организация экстерриториального самоопределения, созданная еще в 1999 году в соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» от 1996 года. В интервью «Кавказскому узлу» председатель исполкома ФЛНКА России Гусен Шахпазов заявил: «Мы всегда делали упор на национально-культурных правах, возможности получения образования на своем языке, обучении языку, реализации потребностей в сфере культуры, получении информации на своем языке... Поэтому всегда наша позиция официальная была такая, что мы считаем, что азербайджанскому государству стоит больше уделять внимания именно реализа-

⁵ Жители поселка Альбурикент добились встречи с Меликовым // Кавказский Узел. 29.03.2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/362284/>

⁶ Съезд чеченцев в Хасавюрте встревожил пользователей сети // Кавказский Узел. 25.11.2018. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/328349/>

⁷ Главное об Аухе: чего требуют чеченцы от властей Дагестана // Кавказский Узел. 26.02.2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346298/>

⁸ Арифмезова Г. Жители села Самур Магарамкентского района пытаются спасти Самурский лес // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. 13.12.2013. URL: <https://flnka.ru/digest-analytics/4970-zhiteli-sela-samur-magaramkentskogo-rayona-pytayutsya-spasti-samurskiy-les.html>

ции этих прав и помогать. Но вместе с тем вопросы об автономии, в плане какого-то сепаратизма никогда не ставились – по крайней мере, нами»⁹.

Споры по вопросу «этнических территорий» и проблеме собственности на землю. Такие споры существуют в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестане.

Политика федерального центра направлена на сохранение границ между субъектами в СКФО для предотвращения открытых конфликтов. В результате некоторые этнические движения нашли способ удовлетворить свои требования через создание муниципальных образований с этническим названием. Так, на территории Карачаево-Черкесской Республики в 2006 году появился Абазинский муниципальный район, объединяющий пять аулов с компактным проживанием абазин – Инжич-Чукун, Эльбурган, Кубина, Кара-Паго и Псыж¹⁰. А с 2007 года существует Ногайский муниципальный район КЧР, объединявший пять сельских поселений Эркен-Шахарское, Адиль-Халкское, Икон-Халкское, Эркен-Халкское, Эркен-Юртское с преимущественно ногайским населением¹¹.

Земельный вопрос периодически обостряется в разных муниципальных образованиях Карачаево-Черкесии. В 2015 году крупная акция протеста была связана с землями совхоза-техникума «Кавказский» и поселка Таллык Прикубанского района Карачаево-Черкесской Республики. На сходе жители села заявили о незаконном отчуждении своих земельных участков и направили открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину. В 2016 году Глава Карачаево-Черкесии Р.Б. Темрезев предложил передать паи сельчанам в субаренду до оформления прав собственности. Однако, и в 2021 году обращения граждан, которые так и не смогли оформить на себя выделенные участки, продолжают¹².

Аналогичный вопрос поднимался в селе Койдан Усть-Джегутинского района КЧР. Земельный вопрос в Койдане поднимался жителями с 2016 года, но пока власти не урегулировали ситуацию. В марте 2017 года жители села в очередной раз провели митинг с

требованиями к местным властям о возврате земельных паев. [6. С 39].

Л.В. Кубанова и Е.А. Щербина обратили внимание на процедуры, которые используются на Северном Кавказе для решения земельных вопросов, в первую очередь, открытые обращения к руководству региона в СМИ и в Интернете [6].

Представители этнических общественных организаций являются активными участниками всех акций протеста, проводимых жителями. Так, в случае с селом Койдан в поддержку требований граждан выступил «Конгресс карачаевского народа».

Территория Кабардино-Балкарской Республики разделена на три географических зоны; для каждой характерно этническое расселение. Русские живут в городах (Майский и Прохладненский районы); кабардинцы – на равнине, балкарцы – в предгорье и горах. В республике также много межэтнических споров по поводу собственности на землю. С 2005 года противоречия касались границ муниципальных образований. Так, балкарцы выступали против включения своих территорий в муниципальные образования с преимущественно кабардинским населением [9].

В Дагестане также обострились земельные споры между кумыками и представителями горских народов республики, которые переселяются на равнину, прежде всего, с аварцами. А.З. Адиев объясняет кумыкско-аварские противоречия «объективными социально-экономическими, этно-демографическими и миграционными процессами, в результате которых кумыки теряют статус самой многочисленной этнической группы на «своей» равнине и постепенно утрачивают позиции во властных структурах» [2. С. 39].

Споры за административные границы. Примером спора из-за административных границ является установление административных границ между Чечней и Ингушетией в 2018 году. Согласно Конституции Российской Федерации, границы между субъектами могут быть изменены с их взаимного согласия и с одобрения Совета Федерации. В соответствии со статьей 145 Регламента

⁹ Джалилов Р., Меджид Ф. Представители нацменьшинств Азербайджана оценили необходимость этнических автономий // Кавказский Узел. 20.11.2020. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/356700/>

¹⁰ Абазинский муниципальный район. URL: <https://abaz-raion.ru/>

¹¹ Ногайский муниципальный район КЧР. URL: <http://noghay-raion.ru/>

¹² Алексанян Г. Сельчане пожаловались на игнорирование земельной проблемы властями Карачаево-Черкесии // Кавказский Узел. 16.03.2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/361829/>

Совета Федерации¹³, для изменения границ, помимо договора, подписанного главами субъектов, необходимо обоснование изменения границ, согласованное субъектами Российской Федерации, а именно пояснительная записка, содержащая результаты выявленного мнения населения, проживающего на переданных территориях, по данному вопросу.

Руководство Чечни с 2012 года заявляло о праве на Сунженский и часть Малгобекского районов Ингушетии, опираясь на архивные документы. 26 сентября 2018 года Глава Республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров и Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров подписали Соглашение об установлении границы между Ингушетией и Чечней. 4 октября 2018 года Народное Собрание Республики Ингушетия приняло Закон № 42-РЗ, ратифицирующий это соглашение [10].

Так как по этому поводу не проводилось референдума или какой-то разъяснительной работы среди жителей населенных пунктов спорных территорий, в Республике Ингушетия начались массовые митинги и протесты. 12 октября 2018 года тысячи людей собрались на пятничный намаз в центре Магаса, после молитвы люди не расходились, перекрыв центр города. 30 октября 2018 года Всемирный конгресс ингушского народа принял обращение к Президенту РФ В.В. Путину с критикой соглашения, принятого региональными властями по территориальному вопросу: «Выражаем решительный протест против деятельности региональных властей, которые, игнорируя требования действующего законодательства, закладывают мину замедленного действия под дальнейшие добрососедские отношения ингушского и чеченского народов»¹⁴. Более того, участники Конгресса потребовали возврата прямых выборов главы республики.

После обращения инициативной группы региональных депутатов Постановлением Конституционного суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 года Закон № 42-РЗ был признан не соответствующим республиканской Конституции. В свою очередь, Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров считал, что «попытки республиканского Конституционного Суда и протестующих отменить соглашение с Чечней могут привести к лишению региона закрепленных границ с близлежащими субъектами»¹⁵. Он обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой подтвердить соответствие Конституции РФ Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой. Конституционный Суд РФ признал, что ни договор, ни закрепивший его республиканский закон, не противоречат Конституции страны, поскольку речь идет об установлении, а не изменении границ между субъектами Российской Федерации¹⁶.

Позиция Ю.-Б. Евкурова по территориальному вопросу стоила ему доверия народа, в марте 2019 года митинги возобновились, и протестующие потребовали отставки главы республики. Летом того же года он объявил о досрочной отставке.

Летом 2019 года возникли разногласия и по административным границам между Чеченской Республикой и Республикой Дагестан. В январе власти двух республик договорились о создании комиссии по уточнению границы¹⁷. На окраине Кизляра, в месте на развилке дорог, где Чеченская Республика «вклинивается» на территорию Дагестана, был установлен дорожный знак «Чеченская Республика. Шелковской район». Так как власти Дагестана не информировали население по вопросам демаркации, установление знака было воспринято жите-

¹³ Порядок утверждения Советом Федерации изменения границ между субъектами Российской Федерации (статьи 144–147). Регламент Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/council/regulations/32813/>

¹⁴ Конгресс ингушского народа призвал Путина вернуть прямые выборы главы // Кавказский Узел. 30.10.2018. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327339/>

¹⁵ Евлоев М. Противники соглашения о границе пытаются превратить Ингушетию в республику без границ — Евкуров // Ингушетия. 31.10.2018. URL: <https://gazetaingush.ru/news/protivniki-soglasheniya-o-granice-pytautsya-prevratit-ingushetiyu-v-respubliku-bez-granic>

¹⁶ Постановление по делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия. 6 декабря 2018. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision367708.pdf>

¹⁷ Чечня уточняет границы с Дагестаном и Ставропольским краем // ТАСС. 23.01.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6033211>

лями как наступление на территорию Дагестана. 10 июня 2019 года один из знаков был снесен, что повлекло за собой сход граждан. Чеченская сторона восприняла снос знаков как вызов, спикер Парламента Чеченской Республики Магомед Даудов встретился с жителями Кизляра и обвинил местных чиновников в инциденте. Он заявил, что «обозначающий границу города Кизляр указатель расположен на чеченской территории и что чеченцы никогда не придавали этому никакого значения», но теперь его уберут. В свою очередь Глава Дагестана В. Васильев вечером 11 июня заявил, что Чечня имела право установить дорожный знак¹⁸.

Очевидно, что на разжигании пограничного спора сказался недостаток информации у населения и слабое доверие власти. Однако вопросы, связанные с демаркацией чечено-дагестанской границы, не исчерпаны. В середине 2020 года чеченской стороной были начаты землемерные работы на границе Ножай-Юртовского района Чечни и Гумбетовского района Дагестана. Спикер Парламента Республики Дагестан Хизри Шихсаитов попросил повременить с демаркацией из-за переключения внимания на борьбу с эпидемией. Причем и местные жители, и журналисты уже высказывались, что спорные пограничные вопросы должны решаться не «в кабинетах», а на сходах джамаатов¹⁹.

Вопросы об административных границах между Чечней и Ингушетией, Чечней и Дагестаном обнажают серьезную проблему слабого диалога и доверия между населением и властью, что приводит к активизации протестных настроений. Все эти проблемы заставляют искать более эффективные формы и механизмы согласования интересов различных этнических групп.

Заключение

Рассмотренные территориальные споры на Северном Кавказе могут быть классифицированы с точки зрения факторов, лежащих в основе конфликтов:

- территориальные споры как последствия депортации (Северная Осетия и Ингушетия, Дагестан);

- проблема разделенных народов (лезгин);

- споры из-за неурегулированной собственности на землю (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Дагестан);

- споры по административным границам (Чечня и Ингушетия, Чечня и Дагестан).

Изучение территориальных споров на Северном Кавказе позволяет увидеть некоторые особенности, на которые республиканским и федеральным властям следует обратить внимание для стабилизации региональных политических процессов:

Во-первых, в большинстве своем территориальные споры имеют глубокие исторические корни. Поэтому, учитывая факт привязанности северокавказских народов к традициям и «исторической территории», эти споры следует разрешать с очень бережным отношением к исторической памяти там, где это возможно.

Во-вторых, вопросы «исторической территории» играют огромную роль в этническом самосознании, и ущемление права народа в территориальном вопросе может привести к серьезной этнополитической мобилизации. В случае с ингушами они уже дважды понесли территориальные потери. В 1992 году они не получили ожидаемой ими полной территориальной реабилитации, а в 2018 году были лишены возможности участвовать в решении вопроса границ с Чечней, что привело к массовым митингам, которые несколько месяцев будоражили республику и даже привели к отставке ее главы.

В-третьих, некоторые последствия крайне жестких методов советской национальной политики (депортации, выселений, произвольных изменений границ и ликвидаций автономий народов) не могут быть устранены в одночасье, но власти должны быть более внимательными к общественному мнению. Вопросы «этнических границ» нужно решать с использованием согласительных процедур на низовом уровне (народных сходов, советов старейшин), традиции которых очень сильны на Северном Кавказе.

В-четвертых, территориальный спор может стать серьезным источником социаль-

¹⁸ Дорожные знаки развели дагестанцев с Васильевым и Кадыровым // Кавказский Узел. 17.06.2019. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/336672/>

¹⁹ Активность властей Чечни компенсировала недостаток аргументов в пограничном споре с Дагестаном // Кавказский Узел. 20.06.2020. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/351047/>

ной и политической нестабильности, подогреваемым Интернет-СМИ и социальными сетями. Мы уже наблюдаем эти процессы на примере кумыков, лезгин, ингушей, чеченцев и других народов. Протесты перемеща-

ются с улиц в социальные сети, где скорость распространения и искажения информации способствует еще большей мобилизации населения и нестабильности на региональном уровне.

Литература:

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97.
2. Адиев А.З. Протестная мобилизация кумыков в Дагестане: от земельного вопроса к конституционному самоуправлению // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 35-43.
3. Аствацатурова М.А. Состоявшиеся и желаемые этнополитические тренды Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 3. С. 150-155.
4. Варшавер Е.А. Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане. Мониторинг общественного Мнения: Экономические и социальные перемены. 2014. № 5(123). С. 133-150.
5. Дмитриев А.В. Юг России: конфликтологическая экспертиза. М., 2010.
6. Кубанова Л.В., Щербина Е.А. Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 31-41.
7. Литвинова Т.Н. Особенности институционализации этнонационального движения на Северном Кавказе (на примере лезгин) // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 1 (29). С. 110-122.
8. Рагимов М. Азербайджанцев посчитали // Лезгинские известия. 2009. №4 (53).
9. Цветкова О.В. Кавказский регион: территориальные конфликты и споры в горизонтальном срезе // Геополитический журнал. 2017. № 5-6 (20). С. 41-47.
10. Цветкова О.В. Урегулирование территориальных споров на Северном Кавказе: правовая база и неформальные практики // Вестник Российской нации. 2019. № 2 (66). С. 95-101.
11. Чибиров Л.А. К истории осетино-ингушского конфликта: от противостояния к взаимопониманию // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 3. С. 11-15.
12. Acharjee M. Ethnic Conflicts in North Caucasus // Сравнительная политика. 2020. № 3. С. 174-187.
13. Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference /ed. by F. Barth. Long grove: Waveland Press, 1998.
14. Grebennikov M. How far is too far? Circassian ethnic mobilization and the redrawing of internal borders in the North Caucasus // Communist and Post-Communist Studies. 2015. Volume 48. № 1. P. 71-81.
15. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 2000.
16. Lake D., Rothchild D. Ethnic fears and Global Engagement: The International Spread and Management of Ethnic Conflict // Institute on Global Conflict and Cooperation. 1996. №20, P. 5-47.
17. Smith A. The Ethnic Sources of Nationalism // Survival. 1993. Vol. 35. № 1. P. 48-62.
18. Toft M. D. The geography of ethnic violence: Identity, interests, and the indivisibility of territory. Princeton: Princeton University Press, 2003.

TERRITORIAL DISPUTES IN THE NORTH CAUCASUS AS A SOURCE OF REGIONAL INSTABILITY

Introduction. The article is devoted to territorial interethnic disputes in the North Caucasus of the Russian Federation, both “frozen” and ongoing, and their impact on regional political processes.

Materials and methods. The theoretical and methodological foundations of the study are the concept of ethnic boundaries and social distance by F. Barth, the works on ethno-political conflicts by D. Horowitz, M. Toft, as well as the research of Russian scientists, such as A.V. Avksentiev, D.A. Dmitriev and others.

For the North Caucasus, the issue of land ownership, the historical territory of the people has always been painful, it has been the main reason for and factor of interethnic distancing. This research is based on: 1) analysis of official documents of federal and regional authorities; 2) studying declarations of ethnic movements and interviews of politicians; 3) media monitoring; 4) classification and situational analysis.

Results. The considered territorial disputes in the North Caucasus can be classified in terms of the

factors underlying the conflicts: territorial disputes as consequences of deportation (North Ossetia and Ingushetia, Dagestan); the problem of divided peoples (Lezgins); disputes over unsettled land ownership (Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia and Dagestan); disputes over administrative boundaries (Chechnya and Ingushetia, Chechnya and Dagestan).

Discussion and conclusion. Taking into account the fact of significance of the "historical territory" for the North Caucasian peoples, the resolution of territorial disputes should be carried out with respect for historical memory, with the involvement of conciliation procedures that have strong tradition-

al foundations in North Caucasian societies. Territorial conflicts and grievances lead to mobilization of the people, the growth of protest moods and regional political instability, therefore land issues should be resolved with the involvement of the public opinion. This will help to avoid clashes on an ethno-territorial basis and increase the trust in the authorities.

Tatiana N. Litvinova,
Doctor of Sciences (Political Science),
Department of Regional Governance and
National Politics, Odintsovo Campus of
MGIMO University under the MFA of Russia

Ключевые слова:

Северный Кавказ, этнические границы, исторические территории, территориальные и пограничные споры, разделенные народы, собственность на землю

Keywords:

North Caucasus, ethnic borders, historical territories, territorial and border disputes, divided peoples, land ownership

References:

1. Avksentev, V.A., Aksiumov, B.V., Gritsenko, G.D., 2020. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Politicheskaya nauka [Political Science]*. No. 3. P. 74–97.
2. Adiev, A.Z., 2017. Protestnaya mobilizatsiya kumykov v Dagestane: ot zemel'nogo voprosa k konstitutsionnomu samoupravleniyu [The protest mobilization of Kumyks in Dagestan: from the land issue to constitutional self-government]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11. P. 35-43.
3. Astvatsaturova, M.A., 2019. Sostoyavshiesya i zhelayemyye etnopoliticheskiye trendy Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga [Completed and desired ethno-political trends in the North Caucasus Federal District]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [Pyatigorsk State University Bulletin]*. No. 3. P. 150-155.
4. Varshaver, E.A., 2014. Tarki-Karaman: mekhanizm odnogo zemel'nogo konflikta v Dagestane [Tarki-Karaman: the mechanism of a single land conflict in Dagestan]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya [Monitoring of public opinion]*. No. 5. P. 133–150.
5. Dmitriyev A.V., 2010. Yug Rossii: konfliktologicheskaya ekspertiza [South of Russia: conflictological expertise]. Moscow.
6. Kubanova, L.V., Scherbina, E.A., 2018. Konventsional'nyye formy protestnogo povedeniya v Karachayevo-Cherkesskoy Respublike kak proyavleniye grazhdanskoy aktivnosti [Conventional forms of protest behavior in the Karachay-Cherkess Republic as a manifestation of civic activity]. *Vestnik Instituta sociologii [Vestnik of the Institute of Sociology]*. No. 3, Volume 9. P. 32-41.
7. Litvinova, T.N., 2015. Osobennosti institutsionalizatsii etnonatsional'nogo dvizheniya na Severnom Kavkaze (na primere lezgin) [Special Features of ethno-national movement institutionalization in Northern Caucasus on the example of Lezgians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]*. No. 1 (29). P. 110-122.
8. Ragimov, M., 2009. Azerbaydzhantsev poschitaly [Azerbaijanis were counted]. *Lezginskie izvestiya [The Lezghin news]*. No. 4 (53).
9. Tsvetkova, O.V., 2017. Kavkazskiy region: territorial'nyye konflikty i spory v gorizontal'nom sreze [Caucasian region: territorial conflicts and disputes in a horizontal cut]. *Geopoliticheskij zhurnal [Geopolitical journal]*. No. 5-6 (20). P. 41-47.
10. Tsvetkova, O.V., 2019. Uregulirovaniye territorial'nykh sporov na Severnom Kavkaze: pravovaya baza i neformal'nyye praktiki [Settlement of territorial disputes in the North Caucasus: legal framework and informal practices]. *Vestnik rossijskoj natsii [Bulletin of the Russian nation]*. No. 2. P. 95-101.
11. Chibirov, L.A., 2016. K istorii osetino-ingushskogo konflikta: ot protivostoyaniya k vzaimoponimaniyu [On the history of the Ossetian-Ingush conflict: from confrontation to mutual understanding]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]*. Volume 16. No. 3. P. 11-15.
12. Acharjee, M., 2020. Ethnic Conflicts in North Caucasus. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]*. No. 3. P. 174-187.

13. Barth, F. (ed.), 1998. Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Long grove: Waveland Press.
14. Grebennikov, M., 2015. How far is too far? Circassian ethnic mobilization and the redrawing of internal borders in the North Caucasus. *Communist and Post-Communist Studies*. Volume 48. No. 1. P. 71-81.
15. Horowitz, D., 2000. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press.
16. Lake, D., Rothchild, D., 1996. Ethnic fears and Global Engagement: The International Spread and Management of Ethnic Conflict. *Institute on Global Conflict and Cooperation*. No. 20. P. 5-47.
17. Smith, A., 1993. The Ethnic Sources of Nationalism. *Survival*. Volume 35. No. 1. P. 48-62.
18. Toft, M. D., 2003. The geography of ethnic violence: Identity, interests, and the indivisibility of territory. Princeton: Princeton University Press.